

Фэйд не стал явно выражать свое отношение, а просто и молча последовал за Годжо Сатору в машину.

Сырость и песчинки речного пляжа остались за закрытой дверкой автомобиля, а их место занял чуть прохладный на ощупь материал кожаных сидений. Годжо Сатору целиком утонул в просторном заднем сиденье, закинув ногу на ногу, и занимал едва ли не половину пространства салона.

Теперь темно-синее пальто казалось на Фэйде еще более неуместным: из-за опущенных рук манжеты скрывали почти всю ладонь, и лишь изредка при смене света и тени показывался короткий отрезок бледных кончиков пальцев.

Годжо Сатору не спешил завязывать разговор. Он лишь слегка повернулся набок, оперевшись одной рукой о край автомобильного стекла, и кончиками пальцев ритмично постукивал по подбородку, сквозь темные очки разглядывая сидевшую рядом переменную величину, которая была тиха донельзя.

— Верно, это то самое высококлассное топливо, которое заставляет мозг вырабатывать «галлюцинации счастья».

Ты же понимаешь, чтобы эта пара глаз функционировала двадцать четыре часа в сутки, моему мозгу требуется ежесекундно сжигать колоссальное количество сахара.

Он выудил из кармана пальто ярко оформленную обертку от конфеты, легким движением пальцев развернул ее, и в рот ему отправилась твердая карамель, источающая насыщенный клубничный аромат.

Годжо Сатору, невнятно посасывая сладость, другой рукой листал экран смартфона. Тусклый свет экрана отражался на его безупречном профиле, а в лазурно-синих зрачках плясали блики данных и карт.

— Раз уж твои воспоминания ограничиваются всего несколькими часами, считай «сладости» своим первым впечатлением об этом мире.

Это уж точно куда дружелюбнее всяких омерзительных проклятых духов, не находишь?

Он неожиданно понизил голос, и нотки шутливости в его тоне слегка увяли.

— Ну а перед тем, как мы доберемся до нашего пункта назначения — Токийской столичной технической школы магии, нам нужно заглянуть в Синдзюку.

Там есть одно заведение, где парфе делают просто с душой. Заодно мне нужно убедиться, способна ли твоя состоящая «из воды» плоть нормально переваривать человеческую еду?

— Эм... с этим, пожалуй, не должно возникнуть проблем, — Фэйд взял конфету и закинул в рот, во рту начал расплываться сладкий вкус.

Чувство телесной усталости тоже самую малость отступило.

Сидевший на переднем сиденье машины вспомогательный менеджер, казалось, хотел что-то сказать, но, бросив взгляд в зеркало заднего вида на профиль Годжо Сатору, на котором так и читалось: «Не порши мне настроение», благоразумно предположил, что лучше промолчать.

Скорость автомобиля плавно возросла на пустой скоростной магистрали, и неоновые огни за окном начали сгущаться, предвещая, что пожирающий всю темноту гигант — Токио — уже совсем близко.

Глава 7. Первые шаги в Колледже магии

Спустя некоторое время Фэйд и Годжо Сатору прибыли к Колледжу магии, и оба вышли из машины.

Черный седан скрылся в самом конце горной дороги, а рев мотора был быстро поглощен безмятежностью глухих гор.

Перед ними раскинулся огромный архитектурный ансамбль, пристроившийся прямо у подножия горы. На фоне лунного света многоярусные изогнутые крыши вырисовывали суровые мрачные тени, точно бесчисленные звери, припавшие к земле во мраке.

Окружавшие их древние деревья толщиной в несколько обхватов непроницаемо закрывали звездный свет, и лишь по обеим сторонам каменной лестницы изредка мерцали каменные фонари, источая дрожащий, мертвенно-желтый свет.

Воздух здесь был на несколько градусов холоднее, чем у подножия горы, а тавящее чувство подавленности, порождаемое накрывшим это место мощнейшим барьером, заставляло любое ступившее сюда живое существо испытывать иллюзию, будто за ним кто-то подглядывает.

Годжо Сатору, засунув руки в карманы брюк, неторопливой походкой поднимался по ступенькам.

Его серебристые волосы отбрасывали холодный отблеск в свете тусклых фонарей, словно единственный живой цвет в этом тихом горном лесу.

— Это и есть Колледж магии? Как здесь темно, прямо как... в какой-нибудь страшной сказке.

Фэйд невольно высказал свои мысли вслух.

Аниме и реальные ощущения — вещи все-таки разные.

Точно так же, как в аниме Чжэньжэнь выглядит довольно круто, а при встрече в реальности он ничем не отличается от призрака.

— Страшная сказка? В определенном смысле твоя интуиция поразительно точна.

Он остановился, слегка повернув голову, и один глаз за темными очками блестел в тени крошечными океанскими переливами.

— В конце концов, всё, что здесь собирается — это сплошные чудаки, которые только и делают, что имеют дело со «страшными сказками», или сами живут внутри них.

Впрочем, по сравнению с теми проклятиями, что прячутся по сточным канавам, местные старожилы, пожалуй, доставят еще чуть больше головной боли.

Годжо Сатору издал легкий, но полный насмешливой издевки смешок, после чего поднял длинный палец, указывая на возвышавшиеся впереди во мраке массивные деревянные ворота.

— Пойдем. Хоть сейчас и глубокая ночь, директор, должно быть, уже заждался.

Если он узнает, что я притащил какого-то маленького божечка, который даже не пробовал «сладостей», его и без того суровое лицо, пожалуй, станет еще больше похоже на проклятие.

Годжо Сатору зашагал длинными шагами, и стук его туфель о голубой камень гулко разносился среди пустых горных ворот.

Он даже не оглянулся, чтобы проверить, поспевает ли за ним Фэйд.

Потому что в восприятии его Шести Глаз эта чистая, подобная воде проклятая энергия неизменно держалась на фиксированном расстоянии, постепенно погружаясь в эту древнюю и тяжелую тень.

По мере того как они продвигались вглубь, еле слышное стрекотание цикад вокруг смолкло окончательно, сменившись некоей еще более глубокой, присущей исключительно миру магов торжественной атмосферой.

Ночной горный ветер принес с собой легкую пробирающую до костей прохладу, проносясь по пустой дороге из синего камня.

— Я же только что поел сладкого? Директор... — Фэйд шел и одновременно задумчиво

размышлял, а растерянность попаданца развеялась от порывов ночного ветра куда сильнее.

В конце концов, в его прежнем мире жизнь была не то чтобы хорошей, ее даже можно было назвать довольно паршивой.

Была, правда, одна глубокая связь — друг, да и близкие родственники в большинстве своем уже умерли, поэтому, помимо капельки тоски по другу, Фэйд не испытывал никаких особых эмоций.

Тот слишком просторный темно-синий пиджак формы колледжа издавал на ветру едва слышное шуршание, а длинные полы мягко раскачивались в такт уверенным шагам при подъеме по лестнице, вытягивая в тусклом сиянии каменных фонарей длинную тихую тень.

— Впрочем, толика бытовых знаний у меня всё-таки осталась.

Шедший впереди на полшага Годжо Сатору не оборачивался, но когда услышал донесшийся сзади голос, его плечи всё же слегка вздрагивали от короткого смеха.

В тот момент, когда туфли ступили на деревянную галерею главного учебного корпуса, раздался глухой и отчетливый звук.

— Та клубничная карамель в машине в лучшем случае сойдет за дешевое топливо для предотвращения перегрузки мозга, до настоящего «искусства сладостей» ей еще очень далеко.

Годжо Сатору немного сбавил шаг и слегка повернул голову. Темные очки на переносице чуть съехали вниз под действием силы тяжести, обнажив линию лазурно-синих зрачков над оправой.

В поле зрения этих «Шести Глаз», способных анализировать информацию о любой проклятой энергии в мире, скопившийся сзади комок проклятой энергии, сотканный из чистейшего водного элемента, безупречно скрывал свое присутствие, почти сливаясь с влажной ночной росой в этих глубоких горах.

Даже лишившись подавляющей части воспоминаний, подобный инстинкту навык скрывать проклятую энергию заставил Годжо Сатору мысленно слегка повысить ожидания от этой «инвестиции».

— Раз уж базовые социальные знания у тебя сохранились, дальнейшее общение пойдет куда проще.

В конце концов, тот дядька внутри — ходячий комплекс противоречий: суровый и консервативный, и при этом безумно любящий плюшевые игрушки.

Если не проявить элементарной вежливости, тебя, скорее всего, просто выбросят за ворота созданные им причудливые проклятые трупы.

Он повернулся обратно, его долговязое тело остановилось перед массивной раздвижной дверью в японском стиле.

— Неужели всё так страшно? — Фэйд слегка опешил, а его темно-красные зрачки под тусклым светом сияли ярким блеском драгоценных камней.

Из-за двери не пробивалось особо много света, однако было отчетливо слышно, как игла с ниткой протыкает плотную ткань, а также глухие звуки, с которыми вату с силой утрамбовывают в кожу.

Вместе с этими тихими звуками ощущалось стабильное, тяжелое и полное давления искусственное колебание проклятой энергии.

Годжо Сатору совершенно не выказывал приличествующих педагогу манер — он даже не удосужился постучать, а просто уперся носком туфли в край деревянной двери и слегка толкнул ее.

— Хлоп! —

Деревянная раздвижная дверь с громким скрежетом грубо отворилась. Свечной огонек внутри резко затрепетал от внезапного потока воздуха, растягивая тени на полу в хищные силуэты.

— Директор Яга! Беспokoю среди ночи! Посмотрите, какого невероятного дикого самородка я только что подобрал на речном пляже Тамы!

— Мне кажется, это тебя сейчас выкинут наотмашь... — Фэйд мысленно потерял дар речи, но вслух ничего не произнес.

Посреди полутемной комнаты на татами сидел по-турецки крупный мужчина в черных солнцезащитных очках. Вокруг него громоздились плюшевые игрушки самых причудливых форм и пестрых расцветок.

Услышав этот наглый скрип открывающейся двери, швейная игла в руках мужчины замерла в воздухе, а брови под темными очками с глубокой складкой сошлись на переносице с видимой невооруженным глазом амплитудой. Окружавшие его до этого тихие плюшевые игрушки, казалось, тоже от эмоционального всплеска хозяина издали неприятный для слуха скрип.

Глава 8. Зачем?

Холодный ветер из коридора хлынул через распахнутые двери в комнату, заставив слегка взметнуться полы не по размеру большой темно-синей форменной куртки.

Из-за неподвернутых широких рукавов ладони Фэйда были почти полностью скрыты, и лишь в колыхании ткани изредка мелькали белые кончики пальцев.

— Эм, ну... гм... привет? — Фэйд с некоторой неуверенностью склонил голову набок, черные пряди волос спадали на плечи, а в голосе звучали нотки сомнения.

Это несколько неуклюжее, полное прощупывания приветствие прозвучало чужеродно в заставленной странными плюшевыми игрушками полутемной комнате, резко контрастируя с царившей вокруг торжественной и гнетущей атмосферой.

Крепкие пальцы Яги Масамити сжимали тонкую швейную иглу, застыв в воздухе на две секунды.

Он не стал сразу отвечать на это приветствие. Сквозь черные темные очки его выдавшие виды глаза с оценивающим выражением холодно скользнули по тощей фигурке, стоящей в проеме.

В поле зрения Яги этот облаченный в пальто Годжо Сатору паренек был до странности тихоней: в нем не ощущалось паники, положенной обычному человеку при столкновении с подобным давлением, но в то же время не улавливалось и намека на какое-либо агрессивное жало проклятой энергии — аура собеседника была спокойна, как стоячая вода за дверью.

Яга точным движением вонзил швейную иглу в грубую ткань сидевшего рядом мутировавшего зеленого медведя, после чего медленно приподнял свое массивное тело с татами.

Вместе с его подъемом выпускаемая внутри комнаты искусственная проклятая энергия, бугрившаяся до этого подобно подводному течению, мгновенно превратилась в осязаемое давление, которое тяжким невидимым свинцом навалилось на дверной проем.

Во мраке несколько причудливых плюшевых проклятых трупов издали легкое шуршание трения ткани, словно собираясь в любую секунду сорваться с места из темноты.

— Сатору, это из-за него ты среди ночи вышиб мою дверь? Притащил сопляка, который толком и поздороваться не умеет?

Голос Яги был настолько низким, что казалось, будто он отзывается резонансом в грудной клетке, а в тоне отчетливо сквозили недовольство и брезгливость.

— Ну-ну, не будь столь суров, директор.

Годжо Сатору беззаботно прислонился к деревянному косяку, полностью игнорируя давящую проклятую энергию в помещении, от которой у простого человека перехватило бы дыхание.

Он сунул одну руку в карман, а второй небрежно взмахнул в воздухе.

— Его зовут Фэйд. Хотя сейчас он и похож на чистый лист бумаги, всего час назад он успел «пообщаться» с каким-то омерзительным проклятым духом особой категории на реке Тама и при этом заявился сюда в целости и сохранности.

Только вот...

Годжо Сатору нарочно протянул гласные, а лазурные глаза из-под съехавшего края очков со смешком наблюдателя уставились на Фэйда.

— Он оставил все прежние воспоминания в речной воде и сейчас пребывает в состоянии полного отсутствия здравого смысла.

При звуках слов «проклятый дух особой категории» суровое лицо Яги Масамити заметно напряглось.

Он не стал слепо верить вечно преувеличивающей интонации Годжо Сатору, однако пронизательность педагога и инстинкт шамана заставили его заново оценить казавшегося совершенно безобидным паренька.

Мутант сделал тяжелый шаг вперед, загородив своей высокой фигурой большую часть света свечи, и гигантская тень мгновенно накрыла то место, где стоял Фэйд.

— Потеря памяти?

Яга свысока уставился на Фэйда, и его тон не только не смягчился, но стал еще холоднее и резче.

— Техническая школа магии — это не приют для бездомных и уж тем раз не санаторий, помогающий заблудшим детям вернуть воспоминания.

Раз уж ты стоишь здесь, что бы ты ни помнил...

Он сделал паузу, и давящая волна проклятой энергии вокруг снова усилилась, принуждая гостя лицом к лицу столкнуться с жестокими законами этого мира.

— Ответь мне. Зачем ты пришел сюда?

— Пришел сюда? Если не лгать, то на то действительно были вынужденные причины ради выживания...

Фэйд слегка опустил голову, и его темно-красные зрачки усталились на деревянный пол, погружаясь в раздумья.

Ради чего он пришел сюда? Только ли из-за так называемого вынужденного перемещения в другой мир?

Фэйд не относился к числу людей, любящих перекладывать ответственность на других, касается ли дело неожиданных происшествий или чего-то еще.

Иными словами, для Фэйда этот вопрос звучал так: если предположить, что он сможет вернуться к жизни обычного человека, то чем тогда станет для него мир магов?

Его способности пока не демонстрировали крайней атакующей мощи, свойственной шаманам, однако для простого смертного возможностей выжить хватало с избытком.

Но... неужели простое выживание — это действительно то, чего он хочет?

— Если смотреть глобально, я хочу постичь магию.

Я надеюсь, что не растрочу собственный талант впустую и не погибну от лап того монстра, что зовется проклятым духом...

Я хочу увидеть, где находится мой собственный предел.

Фэйд слегка приподнял голову и произнес это вслух.

Пламя свечи резко затрепетало в потоке стремительно меняющегося воздуха, длинный язычок почти прижался к краю восковой лужицы и в следующее мгновение упрямо выпрямился.

Яга Масамити по-прежнему продолжал смотреть на него свысока, а его скрытые за темными очками глаза немигающе впились в стоявшего перед ним паренька, погруженного в раздумья.

Пальцы Яги, сжимавшие швейную иглу, побелели от чрезмерного усилия.

Он услышал честное признание насчет «выживания» и услышал присущее юности безумное «предел».

— Предел?

Шаг, который Яга сделал вперед, оставил глубокую вмятину на татами.

Он резко протянул руку и вытащил из кучи проклятых трупов позади себя плюшевого бегемота с зелеными фасетчатыми глазами.

По мере того как он вливал свою проклятую энергию, этот до этого обмякший бегемот мгновенно раздулся, на концах его лап проступили острые когти, а в фасетчатых глазах замигал алый и безумный свет.

— В мире магов конец «предела» зачастую оборачивается разорванным в клочья трупом, от которого даже имени не останется.

Ради постижения столь призрачной вещи ты готов толкнуть себя в эту бездну, переполненную отчаянием и проклятиями?

Он небрежно швырнул в воздух проклятый труп по имени «Кавамару».

Кавамару ловко перевернулся в полете и приземлился ровно в полуметре от Фэйда, его усеянная зубьями пасть широко раскрылась, а из глубин гортани донесся глухий низкий рык.

— Инстинкт выживания и любопытство и впрямь служат двигателем прогресса, но перед лицом того ужаса, что способен искривить саму душу, эти хрупкие вещи разлетятся вдребезги, словно стекло.

Я спрашиваю не о твоём «желании», я спрашиваю о твоём «осознании»...

В тоне Яги сквозила почти жестокая рациональность, а давящая на дверной проем проклятая энергия не уменьшалась, а лишь возрастала.

Прислонившийся к косяку Годжо Сатору в этот момент выпрямился. Он протянул руку и стянул темные очки вниз.

Его пара лазурно-синих Шести Глаз выглядела во мраке особенно ослепительно, напоминая два прожектора, способных пронзить любую маскировку, и сбоку фиксировала каждое малейшее колебание проклятой энергии в теле Фэйда.

— Ой-ой-ой, директор по-прежнему обожает преподавать молодежи столь «тяжелые» первые уроки.

Кончики пальцев Годжо Сатору зацепились за край пальто, и хотя в его тоне все еще звучала легкомысленность, на дне глаз промелькнул след серьезного наблюдения.

— Впрочем, «нежелание бесславно сдохнуть» — и впрямь прекрасная причина, куда лучше тех болтунов о высшем благе, которые ломаются на поле боя первыми.

Эй, Фэйд, директор имеет в виду следующее: если ты не готов быть растерзанным проклятиями в погоне за своим пределом, у тебя еще есть время повернуть назад и сбежать.

Яга проигнорировал кривляния Годжо Сатору — его высокое тело, подобное непреодолимой горе, намертво перекрывало Фэйду путь вперед.

— Когда ты столкнешься с абсолютным и неминуемым отчаянием, когда знакомая тебе магия не сумеет спасти самое дорогое, что у тебя есть, сможешь ли ты все так же гордо выпрямить спину и умереть без сожалений ради этого своего «предела»?

Умереть ему, попаданцу...?!

Услышав это, Фэйд рассмеялся.

Рассмеялся искренне и счастливо, а в ярко-алых глазах даже заблестели похожие на кристаллы слезинки.

— Подобные вопросы лучше оставить тем, кто вспомнит меня после моей смерти. В моей жизни не будет выбора вроде сожалений, и я с нетерпением жду: от чьей же руки мне суждено погибнуть и как именно это случится.

Он вовсе не боялся смерти, и для Фэйда вопрос о том, что будет после гибели, представлял исследовательский интерес.

Начнется ли новый цикл перерождения, или всё рассеется и обратится в прах?

Этот вопрос потребует ответа лишь в самый момент смерти, а сожаления? В них нет никакой нужды.

В этот самый миг пламя свечи было придавлено к одному боку невидимым давлением воздуха и едва не погасло.

На жестком, словно гранит, лице Яги Масамити при звуках слов «смерть» и «ожидание» промелькнуло еле заметное, предельно сдержанное подергивание.

Скрытые за темными очками глаза исторгли холодный свет, подобный приговору.

В мире магов безумцев хватало сполна, но паренек, столь безмятежно препарирующий

собственные похороны, даже для видавшего виды Яги отдавал невыразимой чертовщиной.

— Ждать собственной смерти... Что за высокомерный до тошноты ответ.

Голос Яги звучал низко, словно раскаты грома над горизонтом. Он не ослабил проклятую энергию, напротив — резко сжал свободный левый кулак.

Притаившийся сбоку проклятый труп «Кавамару» уловил волю хозяина, и тот алый огонек в его фасетчатых глазах мгновенно вытянулся в слепящие линии.

<http://bllate.org/book/22036/2291106>